

Елизавета Саляхова

23 истории о НАС

Приключения маленькой девочки

16+

Елизавета Альбертовна Саляхова

23 истории о нас

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43717597

SelfPub; 2019

Аннотация

Это истории ребенка, маленькой девочки, подростка и юной леди. О себе, друзьях, близких. О жизни и мире. О свойственных людям обидах и словах, что меняют будущее человека. Чтобы не говорили в любом возрасте девочка остается девочкой и всегда верит в самое лучшее. Порой глубоко в душе, но верит. Так, давайте узнаем, что у девочек на уме. И вполне возможно, что там не только булавки и куклы.

Содержание

Введение	5
Глава 1. Начало.	6
Глава 2. Усмирение вождя	8
Глава 3. Жизнь изгоя	14
Глава 4. Хранительницы невинности	17
Глава 5. Первая легкость в голове	20
Глава 6. Давимся и улыбаемся	22
Глава 7. Отчисление за усердие.	24
Глава 8. Тазом по театру	27
Глава 9. Шаг вперед	29
Глава 10. Развешанные уши	31
Глава 11. Победа над стереотипами	34
Глава 12. Забывая мечты	36
Глава 13. Потерянная рыбка	38
Глава 14. Правда во спасение	40
Глава 15. Синяя попа с мандаринками	41
Глава 16. Вера в чудо	43
Глава 17. «Слушай маму! Мама умней!»	44
Глава 18. Шанс на спасение	46
Глава 19. Мазохист со стажем	48
Глава 20. Книжная одержимость.	50
Глава 21. Мой лучший друг – папа.	54
Глава 22. Цена заботы	57

Введение

Это истории ребенка, маленькой девочки, подростка и юной леди. О себе, друзьях, близких. О жизни и мире. О свойственных людям обидах и словах, что меняют будущее человека. Чтобы не говорили в любом возрасте девочка останется девочкой и всегда верит в самое лучшее. Порой глубоко в душе, но верит. Так, давайте узнаем, что у девочек на уме. И вполне возможно, что там не только булавки и куклы.

Глава 1. Начало.

Первый свой рассказ я написала в начальной школе. На классном часе нам дали задание написать сказку про что угодно. Потом мы читали их перед одноклассниками. Помню, я долго не могла выбрать героев. На придумывание нового было мало времени, а описывать старого – скучно.

Минут десять спустя меня осенило: что, если обычных мультяшных кота Тома и мышонка Джерри одарить новыми качествами. В мультиках они постоянно враждовали и пытались друг другу испортить жизнь. Я же захотела подружить их. Потом они стали семьей и у них появился сынок – хомяк. Они заботились о нем. Джерри готовил вкусный суп, а Том катал на хвосте. Вместе они выходили гулять и были самой счастливой семьей. Нда, тогда я и не задумывалась о таких вещах как завязка, конфликт и кульминация. И поэтому получилось довольно сентиментально. В моей голове тогда мир носил яркие краски, которые только и радуют каждый день.

Мою сказку не встретили на «ура», да я на это и не надеялась. Зато дома, когда я показала маме она похвалила меня и сказала, что это лучшая в мире сказка. Я запомнила. И теперь знала, что сочиняю я очень хорошо.

С тех пор моим любимым уроком стала литература. И не потому, что там задавали много читать, а из-за сочинений. Их я писала с упоением одержимого. Не важно какая тема,

главное, излагать свои мысли, фантазии.

Второе произведение родилось в 10 классе. Правда, было оно немного эротического содержания. Я случайно нашла у мамы тайник с женскими романами, которые изобиловали постельными сценами. Взяв описание из страстных книжек, я написала маленькую зарисовку. Сначала дала почитать подруге, потом второй, третьей. Дальше прочитали мальчишки. В общем к концу учебного дня весь класс просветился. После слов «классно», единственный вопрос, который мне задавали: «А откуда ты знаешь?». Я не знала, только читала.

Позже я поступила на филологический. Писала там по заданию. Начала работать в студенческой газете. Публиковала обзоры на компьютерные игры. Потом 10 лет в журналистике. Теперь пишу свое. Но всегда я вспоминаю мамины слова, услышанные мною в первом классе: «Милая, ты такая молодец! Настоящий талант. Я горжусь тобой»

Глава 2. Усмирение вождя

Я выросла в обычной советской семье, где принято широко отмечать праздники, занимать до зарплаты и воспитывать детей любовью и ремнем. Папа электрик, мама швея и старшая сестра, которая постоянно болела. Я старалась быть лидером, который вершит справедливость, но, к сожалению, тогда в нем не нуждались.

Как и другие дети, «первую школу жизни» получила в детском саду. От моей общительности шарахались все хулиганы. Помню у нас в группе был мальчик по имени Андрей. Он любил бить. Когда куклы с машинками ломались и становились непривлекательными, переходил на мальчишек. Тут распускался мой плащ вселенского спасителя, и я давала сдачи. За Сашку, Алмаза, Семена и на всякий пожарный выдавала оплеухи за Никиту и Вовку, хотя их никто не трогал.

Сначала вступала в схватку открыто. Воспитатели расстраивались и ставили меня в угол. Там, в темных закоулках, маленькая девочка поняла, что справедливость нужно вершить по-тихому. Поэтому через некоторое время у хулигана в стакане с компотом стали находить косточки, носки, плевики и козьи какашки с улицы (я жила в частном секторе).

Когда мое коварство разоблачили, меня вновь отправили «по этапу», в угол. На этот раз, до меня дошло, что бороться с системой бесполезно. И я ушла из этого странного ми-

ра, в котором нет места благородству. Вместе с верной подругой отправились исследовать заграничные просторы. Пока все гуляли во дворе сада, мы пролезли в дырку забора и пошли в гости к той самой подруге. Благо она жила в пятиэтажке напротив, даже дорогу переходить не надо. Дома никого не было. Да, и к чему?! Заветные ключи всегда лежали под ковриком.

В гостях меня угостили водой из-под крана и печенками со стола. На этом кулинарные способности коллеги по побегу завершились. Дальше мне провели экскурсию по двухкомнатной квартире. Запомнила стенку (мебель) а-ля «гробинушка» и тяжелый горбатый телевизор. Попутешествовав пару часов, мы тем же путем вернулись в сад на ужин. А там крику... Меня как саботажника в угол. Подруге повезло: мама – нянечка в том же саду.

Три года мой пыл бунтаря воспитатели безрезультатно притесняли. Я до последнего устраивала дебоши и изводила тирана Андрея. В подготовительной группе его перевели, а меня запугали фотографом. Этот дядька всегда обещал птичку из своей бандуры, а сам выпускал странный свет, от которого глаза слезились. Я засела «на дно», до школы.

В первом классе мои боевые навыки испытали на себе почти все одноклассники мужского пола. Хотя нет, вру – абсолютно все одноклассники. Однажды случайно досталось и девочке. Она раньше времени вытерла доску. Я извинилась,

но, если, честно, та сама нарвалась.

И все же кроме лидерских кулаков, главной моей особенностью оставался авантюристский дух. Я любила все новое: полазить на верхушках деревьев, “одолжить” жвачку в ларьке, побегать на стройке и так далее.

Во втором классе я подслушала, что самое больное место у мальчиков между ног. Не поверила, поэтому решила проверить. В параллели учился бывший ухажер, который обещал жениться еще в детском саду. Чувства были не взаимны, мы остались друзьями. Его-то я и выбрала для своего эксперимента. В тот день он стоял во дворе школы в окружении восьмиклассников (там учился его брат), смеялся. Я подошла почти незаметно и шепотом сказала: «Привет! Проверить кое-что нужно. Поможешь?» Он на свое горе ответил: «Привет. Давай».

Я не прицеливалась, просто пнула и попала в яблочко. Он завыл как одинокий волк на луну. Старшеклассники в шоке. Поверить не могли, как такая мелочь могла такое вытворить. А я смотрю на друга и думаю: «Да неужто так больно?! Фигня. Играет же. Или нет?!» Отвлеклась. Вдруг, почувствовала, как меня кто-то трясет. Оглянулась, а это старший брат “подбитого”. Кричит на меня, что-то спрашивает, а потом как замахнулся. Я у него под мышкой проскользнула и сбежала.

Два дня после этого случая ходила в школу по дворам, боялась слезки и расплаты. Потом все утихомирилось, но

друга я потеряла. Зато приобрела репутацию боевой девчонки. Еще бы, обо мне даже восьмиклассники говорили. Целых 2 года длилось сие лихое время. Гордо подать дневник под двойки за поведение – легко, дать учебником по голове задира – не вопрос. Для учителей я была той еще занозой, для родителей – поводом краснеть на родительских собраниях.

Все изменилось в конце второго класса. Сестра заболела. Диагноз: остеомиелит. Как мне объяснили, это когда кости из-за плохого микроба становятся мягкими как вата. В то время болезнь малоизученная: инвалидами оставались 60 % пациентов, умирали 30% и только в 10% случаях человек выздоравливал.

Способы лечения в нашей районной больнице толком не знали, но и направлять в республиканскую – отказались. Сестре сделали наобум четыре операции. 2 месяца в стационаре. А как началось заражение крови – отправили домой, умирать. Ей было всего 11 лет.

Я помню ее после выписки. Лежит на потрепанном диване, еле дышит и не встает с кровати. Тихая и тощая, только ноги – толстенные бревна. Кожа серого цвета. На лице – натянутая улыбка. Она рассказывала, как скучала по мне в палате. Я не понимала, о чем она говорит. Думала, все это странная игра, которая скоро закончится. Но она не кончалась.

Как-то вечером сестра призналась: «Я знаю, что скоро умру. Но ты не волнуйся, мне не страшно». Она просила не

говорить маме, хотя та, и так знала. Правда, мирится с этим не желала. Мама обратилась в поликлинику соседнего города. Там работал врач, лечащий подобные заболевания. На предварительной встрече с родителями он сказал, что лечение будет дорогим. В тот же день мама с папой выставили на продажу квартиру, в которой мы жили.

На следующий день сестру привезли в новую больницу. Папа на руках донес её до кабинета. Я тоже хотела на ручки. Увидев сестру, врач сразу отправил ее на переливание, а потом сразу на операцию. Позже он отказался от платы. Причину не объяснил.

Спустя четыре недели сестра впервые за 3 месяца встала на ноги. Ещё через 2 недели начала ходить. Это было чудо, что она выжила и не стала инвалидом. С мая по август ей сделали 7 операций под общим наркозом. Она перенесла боль, о которой лучше никому не знать.

То лето повлияло на всю нашу семью, в том числе и на меня. Пока мама была с сестрой, а папа на работе и шабашках, я кочевала по теткам и бабкам. Да, обижалась. С родителями виделись редко. А когда встречала их – так дорожила моментами, что уже не хотела огорчать. Мама думала, я не замечаю ее измученного лица. Однажды, я выплеснула на нее все свое негодование и в сердцах сказала, что хочу заболеть также как сестра. Мама заплакала, обняла меня и умоляла больше никогда так не говорить.

Те три месяца меня присмирили. Я уже не смела расстра-

ивать родителей, не имела на это права. Требовали не они. Это было мое решение, мое ПЕРВОЕ ВЗРОСЛОЕ РЕШЕНИЕ.

Глава 3. Жизнь изгоя

Я всегда стремилась к свободе, а была окружена заботой. Порой казалось, что излишней. Родители знали как мне лучше, сестра говорила как правильнее, подруги учили как безопаснее. Наверное поэтому, я старалась спрятаться от всех.

В 11 лет заявила своей однокласснице, что уйду в монастырь и стану, как рак-отшельник. Странное желание высмеяли, обсудили и передали моей сестре – юмористке. Конечно, угрозы я не воплотила в жизнь, а вот изгоем попыталась стать.

В то время, у нас в городе были популярны группировки: «десятники», «девятники», «черные кошки» и «пантеры», «Фаязовские» и «Алмазовские». «Тимуровцев» только не хватало (шутка типа). Мне не удалось примкнуть ни к одной банде. Хотя признаюсь хотела, даже деньги на взносы откладывала. И только собралась ступить на темную дорожку, обступили подруги и запретили «делать глупости». Сказали, драться не пристало таким как я. Неприятно. Меня ведь даже «чертихой» (та, что без «крыши») не называли, а всех остальных дразнили.

Конечно, сами-то девчонки вступили в ряды сомнительных клубов по интересам. Лучшая подруга примкнула к компании под названием «Черные кошки». Правда, через пару месяцев ее разоблачили. Учителя, прознав о незаконных

поборах школьников, устроили очную ставку всем членам группировок в нашей параллели. Допрашивали при закрытых дверях, в учительской. Кто-то под давлением сдал всех. Его имя – осталась тайной.

А дальше педсовет, родительское собрание, советские методы – пеняли общественно и давили на совесть. Совесть и смелость у моей подруги присутствовала: она рассказала о себе, что «мол да, состояла, каюсь, больше не буду». И если для взрослых такая девочка становится героем, ровесники называют ее – «врагом №1». Все решили, что она тот самый «стукач». Соппротивление было бесполезно, объяснения не принимались.

Тогда мы нашли с ней друг друга. Я возвеличила ее за силу, и старалась всегда находится рядом как верный оруженосец. Я чувствовала, что ей нужна была опора дабы выдержать натиск злых подростков. Вот и ходили мы с ней 2 года рука об руку. Обруганные, оплеванные, зато свободные от предрассудков и вместе.

Ко мне подходили одноклассницы и спрашивали: «Какого хрена ты еще с Ней? (мы были уже в седьмом классе, взрослые и поэтому могли говорить матом) Ты же нормальная.» На такие вопросы, по-моему, очень сложно ответить. Ведь для меня ОНА – великомученица и защитница справедливости как Жанна д'Арк. Я как правило, что-то мямлила и уходила в закат.

Позже гнев сменился на милость. Все забыли эту историю

и все вернулось на круги своя. Изгойство закончилось, вместе с неразлучной дружбой. Я больше не чувствовала себя вольным рыцарем, покровительствующим королеве, а она не нуждалась в моей поддержке. Конечно, общаться мы продолжали, но не так плотно, как прежде.

Глава 4. Хранительницы невинности

Я мечтала быть воином, драться за правое дело или неправое. Главное, в общем-то драться. Когда мне было 13 – записалась на Ушу. Меня хватило ровно на месяц. Бесили высоко-философские разговоры о силе духа, упражнения в супер замедленном темпе и отсутствие желанных поединков. Ведь по факту: я просто хотела ДРАТЬСЯ!

В секции желаемого не получила, в обычной жизни кулакам тоже воли не давали – оберегали. В старших классах особенно. Мои три подруги почти каждый вечер уходили на разборки. После рассказывали, кто кого за волосы оттаскал, кому в глаз зарядили, кому лицо расцарапали. Я слушала их с упоением, как маленький ребенок детские сказки. И все ждала, когда я так начну делиться своими победами. Но каждый раз на просьбы взять меня с собой, слышала от них бескомпромиссное «НЕТ!». Так они защищали меня от неприятностей. Сейчас я благодарна им, однако тогда, негодованию не было предела. Я злилась, ругалась и все равно, шла домой.

Однажды у меня таки появился шанс поучаствовать в потасовке. Весенним вечером, на очередном отсиживании попы на скамейке, ко мне подбежала боевая подруга моих од-

ноклассниц. Я ее не знала, но она знала меня. И вот эта оторва повествует мне:

– Привет! Прикинь, одна мымра грит, что я с ее парнем спала. А я не спала. А потом этот козел, сказал, что спал. А он не спал. Грит, он знает где у меня татуировка, а у меня и татуировки-то нет. А я ей отвечаю, ты ахринела. А она мне.... (в общем, не буду утомлять мелодрамой, но проблемы у девочки «реально были серьезные»).

Но суть-то не в истории, а в заветном «Пойдешь за меня?». Этот боевой клич я запомнила навсегда. Неважно, кого и с кем она не поделила, главное, предстояла РАЗБОРКА. А что еще пятнадцатилетней не целованной пацанке нужно?! Мой ответ был «Да, ваще не вопрос». В мыслях я уже заката-ла рукава, делала замах, потом в шпагате с разворота... Ка-куюсь, смотрела все фильмы с Ван Дамом.

На стадии, когда в фантазиях я отплясывала танец победителя, подошли мои «защитницы». Они тихонько, но внушительно объяснили «попавшей в беду», что меня на такие мероприятия брать нельзя. На мое обреченное «Почему?», мне ответили «мы потом в баню» и после паузы добавили «с парнями». Далее из компании вызвали самого хилого парнишку, передали ему меня с приказом «Проводить до дома» и ушли.

Возвращаясь домой, я наивно размышляла: «за что они так со мной? Я же тоже могу в баню. Там же все в простынях. Да, и вообще зачем ходить в баню с мальчишками?!»

Как хорошо, что тогда я так думала. Как хорошо, что меня отправляли домой.

Глава 5. Первая легкость в голове

Я не люблю вишневый компот с 13 лет. Вот представляете, вишню отдельно – да, сироп отдельно – да, а вот вместе – даже запах не переношу. Аллергия? – Нет. Капризы? – Тоже нет. Не буду вас мучить, всему виной вишневый твис.

В кино и книгах 90-х годов девичники и мальчишники показывали, как грандиозные попойки. Подтверждали стереотип и взрослые: мужики собирались «без баб», чтобы как следует выпить, женщины на своих посиделках употребляли алкоголь в таких же количествах. Так сказать, на примерах выученные, мы устроили девичник.

У подростков денег мало, поэтому купили «на что хватило». Этим чем-то оказались 2 бутылки вишневого твиста – крепкой настойки в 35 градусов. Пять девчонок (возраст 12-14 лет) в два часа дня сели на кухне и начали за жизнь разговаривать и пить. Про парней – козлов, про родителей – непонимающих, про учителей, подруг и так далее. В общем то ли эти глубокие разговоры, то ли третья рюмочка, но меня подкосило. Для верности вышла на улицу освежиться.

И вот навернула я кругов 5-7 вокруг дома и вдруг меня осенило – рядом же одноклассница живет. Пойду-ка я и ее позову на наше мероприятие.

Жила моя «звезда пленительного счастья» в соседнем дворе. Но идти к ней надо через огромную детскую пло-

щадку. Я подумала: «Была не была». Облегченной походкой, слегка колышимой ветром и парами алкоголя, кое-как добралась до заветного подъезда.

До пятого этажа доползала. По-другому я это действие назвать не могу. Придерживая лбом железную дверь, дабы она перестала танцевать, постучалась. Вышло громко, очень громко. Дверь мне открыла ее мама, в прошлом моя воспитательница в детском саду.

Я: «Здрствте, а Жоржетта дома? (я изменила имя) Ииииик?... Ой, прстите»

Мама подруги: – Нет, Лиза. Она ушла гулять.

Я: – Прада? Ну передайте, пжста, что я была... Дсвидня! – И такой же плывучей походкой отправилась восвояси.

Это был первый раз, когда я попробовала «взрослый» алкоголь. С тех пор не пью крепкие напитки. Сразу в памяти всплывает, как мой детский организм во всеуслышание на улице избавился от всего, что я пагубного выпила. И снабдил чувство дискомфорта внушительной порцией стыда перед мамой одноклассницы.

В общем-то с тех пор я не люблю вишневый компот и взрослые напитки. Привкус у них какой-то отвратный.

Глава 6. Давимся и улыбаемся

В детстве у меня было много хобби: «балетка», лепка, компьютерная графика, вязание крючком, кукольный театр и другие. Конечно, все они оказались непродолжительными (максимум 2 года). Большинство увлечений безопасные. Но были и те, что надругались над сознанием моих друзей. Расскажу об одном из них.

Кулинарией увлеклась в шесть лет. Нравилось наблюдать как мама готовит любимое птичье молоко. Почти не моргая, наблюдала как белки с сахаром превращались в белое безе. За интерес мне потом доверяли отнести до раковины венчики. Я же украдкой слизывала с них остатки крема. Мммм, вкуснятина... Так мне пришла мысль, что это и моя стезя. Как-то мы с сестрой спалили газовую плиту, пытаясь приготовить торт «Чебурашка». Мы засунули его в горячую духовку и пошли играть в спальню. Открытое настежь окно забрало запах гари, поэтому его мы не почувствовали. Зато унюхала мама, вернувшись домой. Нам влетело по полной: и наказания по попе, и похвалы за инициативу. Подобное не повторялось.

Однако произошло другое. В 8 классе с подружкой приготовили медовик. Сметаны для крема не хватило, зато яиц и меда оказалось в достатке. Кондитеры знают, при таких пропорциях продуктов торт нельзя назвать нежным и пропитан-

ным. И все же после трех часов счастья в муке, творение было готово. В целях безопасности, сами сие кулинарное произведение пробовать мы не решились, да и родителям не советовали. Поэтому проверили на знакомых мальчишках.

Соглашаясь на «эксперимент», ребята не знали, что и соды у нас было изобилие. Первый кусочек «деревянного» торта съел Женька. Он жевал и смотрел на нас как затравленный кролик – понимал: одно слово и дружбе конец. С трудом проглотив, сдавленно добавил: «Девчонки, супер! Очень вкусно!». Нам приятно, а другим подстава. Следующий кусок схватил Сашка. С жадностью надкусил и замер: его глаз странно задергался, потом посмотрел на нас, улыбнулся и продолжил жевать. Дабы не мучиться одному, он посоветовал другим ребятам съесть по кусочку.

Мы считали, «Это успех!». Мальчишки сквозь слезы одаривали нас комплиментами, но от добавки отказались. Потом по традиции мы пошли гулять и забыли о кулинарном шедевре. Вспомнила о нем вечером, когда возвращалась домой. За скамейкой, на которой мы устроили тортопоедание, лежало несколько надкусанных кусочков нашего «вытворения». Их благородно скинули ребята. Видимо, им уж очень хотелось остаться в живых.

Подруге ничего не рассказала. И это было правильное решение. Повзрослев, она стала известным в городе кондитером. Я же слишком люблю людей, чтобы такое повторять.

Глава 7. Отчисление за усердие.

Раз понравилось – обречено на мое внимание. Так в моей жизни было всегда. И вот на первом курсе меня заинтересовала гимнастика. В школьные годы я любила всякие колеса, сальтухи и шпагаты. Увлечение нашло себя и в стенах ВУЗа.

На физкультуре спросили: «Кто на гимнастику в зачет занятий?» Мой ответ был очевиден – «Я!». Однако уже к концу первого семестра тренер настойчиво «попросил» больше не приходить на его пары, и вообще отказаться от спорта. И дело не в состоянии здоровья, точнее не моего... Педагогам опасно тренировать меня.

При огромном желании, усердие из меня бьет бешеным потоком: использую все способы, чтобы добиться своего и беру измором окружающих. Я тренировалась по 4 раза в неделю. Мне нравилось делать элементы, которые другим не под силу. Я любила усталость, что следовала после занятий. Ощущение словно крылья вырастали за спиной. И я летала, летала, летала. Вот и долеталась.

Основной ошибкой, что я повторяла из раза в раз – нежелание прислушиваться к голосу разума. Так, не обращала внимание на технику безопасности: делала сложные элементы без страховки или, не разогревшись, залезала на снаряды.

И однажды терпению педагога пришел конец. На тренировке я решила сделать кувырок на бревне без страхующих

матов. Не рассчитав силы, упала головой вниз на голый пол. Звук жуткого хруста прошелся по стенам спортзала. Тренер в ужасе подбежал ко мне, а я в ответ на его испуг: «Всё норм, делаем дальше». Он психанул. Я все узнала о моем умственном развитии и врожденной глухоте. После внушительного выговора меня усадили на скамейку запасных.

Через пару минут сидения, в месте для приключений зашвербело и я ушла работать на брусья (2 горизонтальные жерди). Конечно, за спиной у педагога. Снаряд находился в дальнем углу, примерно в полутора метрах от стены. Ну, так вот, я залезла на перекладину. Раскачалась. Сделала первый кувырок с переходом на вторую жердь, потом еще один вокруг своей оси и тут моя пострадавшая от первого падения рука заклинила и соскользнула. Я с размаху полетела в стену. Нет, жизнь перед глазами не мелькала, а вот гневное выражение лица нашего Львоночка (так мы называли тренера) – ДА!

Отлепляя себя от пола, я услышала грозное: «САЛЯХОВА!!!» Быстро поднялась, отряхнулась и спокойно произнесла: «Живая же. Все норм». Меня мягко выпроводили из спортзала за шиворот, и очень внятно посоветовали больше не возвращаться.

Я надеялась, что гнев уляжется, меня простят за неподобающее поведение, но этого не случилось. На следующее занятие тренер не пустил меня даже в раздевалку, заявив, что с таким студентом, он может оказаться за решеткой.

После я занималась обычной физкультурой, стрип пла-

стикой, фитнесом, танцами. Однако уже без предыдущего рвеня. Видимо там уже не было того ощущения полета, как на гимнастике.

Глава 8. Тазом по театру

Сколько себя помню, любила выступать. Придумывать истории, играть в постановках, петь на сцене, да все что угодно – лишь бы быть в центре внимания. Это было необходимо физически. И потому мало кто удивился, что в детстве (мне было 10 лет) с деревенскими ребятами мы создали летний театр.

Как и во всех известных постановках, в наших была любовь, страсть и жизнь до гроба. В моем случае до таза. А также для разбавки сюжета песни и пляски.

За много лет сюжет постановки как-то позабылся. Остались общие моменты: они долго искали друг друга, потом нашли, потом поссорились и она умирает от разлуки. Вроде просто, но не у нас. Дело в том, что декорации мы готовили сами и это так сказать «что под руку попало». Вот так и роль кровати с балдахинном, на которую умирающая героиня (Я) падала, играл железный таз. Показ был в четыре дня, а декорации мы выставили утром. Соответственно, таз пролежал целый день на солнце и как следует закалился.

На премьеру мы позвали родителей, теток со всей округи. Вынесли из дома стулья, получился своеобразный амфитеатр. И наконец, тишина. Спектакль начался. Зрители смотрели на наше творчество с умилением. Следили за каждым движением, словом. Завязка, музыкальная перебивка, кон-

фликт, развитие действия, снова хореографический номер и вот она кульминация – он ее бросает. По сценарию я в легком сарафанчике без чувств падаю на «кровать» с горестным: «я умираю», пауза, занавес, бурные аплодисменты и слезы на глазах у публики. В реальности же несчастная влюбленная, стоило ей прикоснуться к «подогретому до красноты ложу», ожила также молниеносно как умерла. При том хорошо так ожила, в прыжке.

Драму показать не удалось: «принц» прибежал спасать меня от огнедышащего таза. В общем хороший такой happy end получился. Кстати, во время спектакля никто не пострадал. Даже таз.

Глава 9. Шаг вперед

Мне всегда казалось, что в деревне у ребят фантазия изощреннее. Вынуждают обстоятельства. В моем детстве клубов по интересам было немного. Телевизор роскошь, а Интернет и вовсе фантастика. Поэтому все свое свободное время мы в основном проводили на улице. Летом играли в пятнашки, вышибалы, кролика, строили штабики и взрывали шифер. А зимой устраивали снежные квесты.

Помню, когда у нас во дворе на частном участке собиралась детвора – братишки, сестренки, соседи, мы устраивали себе приключения. Например, на досках переходили по сугробам весь огород. Падать нельзя, снега касаться тоже, ведь по замыслу это лава. По командам переплывали непроходимые «тропы и болота», искали волшебство... Громкое «Давай, давай» раздавалось по всей округе. Казалось, нет более счастливых моментов в нашей жизни.

Оказалось есть. Однажды мой братишка показал нам новую забаву: прыжки в огород с крыши сарая – полутораэтажное здание в нормальном понимании. Он первым отправился в полет и смеялся так заразительно, что вопрос чем мы будем заниматься решился моментально. Ребяшня (возраст от 6 до 12 лет) три часа с разбегу летала в сугробы, пока они не утрамбовались.

Признаюсь, я испугалась прыгать. Одна мысль оторваться

от крыши и отправится в свободный полет наводила ужас. Сердце отбивало ритмы африканских барабанов, внутри все говорило о сумасбродности этого поступка, что там может быть под снегом... Дыхание ушло в пятки и пульсировало. Несколько раз я добегала до края и останавливалась.

Но смех и эмоций других ребят отключили во мне все звоночки разума. В итоге, раз, два, три. Разбег. Прыжок. Глаза закрыла. Полет. Всего секунда. Ветер. Фонтан адреналина и «БУЛТЫХ!!!» Это было потрясюще. Когда приземлилась, думала: «И это все?! Так просто». Во рту чувствовала вкус свободы, тело пронизывали энергетические молнии. Невроятно и просто. Дальше пошли эксперименты. Мы прыгали с переворотами в воздухе, спиной вперед. О наших маленьких победах гласили полные снега валенки и застывшие от наледи штаны.

Тогда, наверное, я впервые осознала, что первый шаг – самый сложный. Для него нужно не только поверить в себя, но усыпить на время милое и пушистое внутреннее сомнение, что оберегает от опасности.

Глава 10. Развешанные уши

Дети все слышат. Даже когда взрослые думают, что нет, они все равно слышат. Так, в далекие 90-е, мы жили в обычной двухкомнатной хрущевке. Тогда с продуктами была беда: дефицит, безденежье, очереди. И представляете в один прекрасный день мама принесла домой коробочку шоколадных конфет. Редкость, соблазн, вкуснятина. Родители сговорились, что спрячут от нас сладкое до ближайшего праздника. Но совершили фатальную ошибку: разговаривали они в зале, будничным тоном и при открытых дверях. Пятилетняя я и моя восьмилетняя сестра играли рядом и все слышали.

План был придуман сиюминутно. Через день мама после работы обнаружила дома серпантин из фантиков. Он украшал пол от кухни до спальни. К сожалению, я пришла с мамой, поэтому полакомиться раритетными конфетами не успела. Сестру отругали за жадность, маму с папой за неосмотрительность – нет.

А вот еще один случай. В силу моей активности или других качеств, бабушка не очень любила оставаться со мной наедине. Я бы и не заметила этого, если бы однажды мама при мне не пожаловалась подруге о сей несправедливости. Мне было пять лет. И все надеялись, что глухота у меня автоматическая. То есть, как только взрослые начинают секретничать, она у меня должна якобы включаться.

Но как не странно этого в очередной раз не случилось. Пару дней меня мучили сомнения и причины такой нелюбви, и потом я напрямую спросила бабулю об этом. Конечно, сослалась на первоисточник. Взрослые по привычке все отрицали. Бабуля свои негативные чувства ко мне, мама свои слова. Скандал слышали все соседи. Бабушка объявила маме бойкот, а меня по-прежнему в гости не звала. Вечером меня за предательство и длинный язык – наказали, маму за неосторожность – нет.

Последняя история «глухих» детей о моей племяннице. Девочке девять лет. Она все делает медленно, с толком, с расстановкой. Порой аж бесит. Некоторые домочадцы дабы поддеть ее и ускорить, называют ее «тормозом». Племяшка обижается, но продолжает делать по-своему. Однажды предел издевательств зашкалил, и она расплакалась. Сквозь слезы произнесла: «Мне так мама сказала делать». После долгого разговора выяснилось, что примерно с год назад ее отругали за торопливость и суетливость. И в завершении добились фразой «поспешешь, людей насмешишь».

Да, этот случай немного отличается от первых двух. Однако он показывает, насколько дети воспринимают всерьез все слова взрослых и как они влияют на их дальнейшую жизнь и становление характера.

Да, дети слышат все! Как говорит моя мама «им интересно сидеть, развесив уши». Как ребенок в прошлом и отчасти сейчас, знаю контролировать этот процесс бесполезно. Это

как находясь в поле, пытаться скрыться от ветра. Остается лишь принять как данность и иметь в виду на будущее.

Глава 11. Победа над стереотипами

В детстве я не любила, как все девочки, кукол Барби. Она была слишком дорогая для нашего семейного бюджета. И потому я отдавала предпочтение более доступным и функциональным машинкам. И все же столкнуться с идеальной блондинкой мне пришлось.

В первом классе учительница объявила конкурс кукол. Каждая девочка должна была принести свою красивую пластиковую подружку. Все одноклассницы демонстрировали Барби. Каких там только не было: с миниатюрными сумочками, с домашними питомцами, русалки, принцессы. А так как машинки в конкурсе не участвовали, я притащила в пакете обычную старую куклу. Это та, что могла моргать и имела не расчесываемую копну волос.

Мне было стыдно ее вытаскивать. До последнего ее скрывала. А потом решила. И представляете, выиграла конкурс. Оказалось, мама, зная мое положение, и то, что мы не можем себе позволить модную блондинку, сшила из лоскутков зеленого шифона платье, от которого глаз невозможно оторвать. Моя простая Маша выглядела как лесная нимфа среди обычных людей. Она была самая запоминающаяся и почти парила в своем одеянии.

Вот так мы с мамой одержали нашу первую победу над стереотипами и модой.

Кстати, буквально через полгода у нас дома все-таки появилась кукла Барби. Но я её так и не смогла полюбить. Но об этом попозже.

Глава 12. Забывая мечты

Взрослые называли нас «идеальными детьми». Когда я и моя сестра были маленькими мы не плакали в магазинах, не просили игрушек, сладостей. Нас приучили не желать большего, отказываться от недоступного и со временем мы перестали говорить о своих мечтах.

Помню маленькой я проходила мимо прилавков и с завистью смотрела как чужие родители покупали своим детям подарки. Это видела и мама. Ее сердце разрывалось, но исправить ситуацию не могла – надо было выплачивать долги за квартиру, дом, а еще на что-то питаться и жить. Папа периодически зарабатывал на работе травмы и не получал зарплату. Мама работала в три смены, чтобы хоть как-то закрыть наши расходы. Это был конец тысячелетия.

И однажды случилось то, что было ожидаемо – детские желания вырвались. Из-за нашей бедности над нами смеялись другие дети. Я дралась, а моя сестра плакала. Как-то после школы одиннадцатилетняя она пришла и начала просить маму купить модную в то время куклу Барби. Такие были у всех ее одноклассниц. Просьбы перешли в слезы, потом в крики и далее в неистовую истерику. Я испугалась. Мама была в отчаянии – до зарплаты оставалась еще неделя, в долг родные уже не давали, оставались последние деньги на хлеб и молоко.

Мама уговаривала сестру успокоиться, подождать неделю, но все было без толку. Потом сорвалась и мама. Она несколько раз ударила орущую девчонку, пытаясь привести ее в чувство. Не получилось. И тогда мама трясущимися руками собрала все деньги, что у нас были и купила эту куклу. Она бросила ее кричащей на полу сестре. Потом подошла к дивану, села, закрыла лицо руками и заплакала словно раненый зверь. В ней будто что-то надорвалось, всегда сильная и улыбчивая женщина вдруг стала сломанной. Мне хотелось ее поддержать, утешить, но я боялась подойти.

Тогда я пообещала себе, что забуду о своих хотелках и мечтах, чтобы не расстраивать больше маму. Я думала это правильно.

Глава 13. Потерянная рыбка

Когда кто-то из друзей бросает клич «А поехали на рыбалку?», я ухожу в подполье и стараюсь отнекиваться до последнего. Да, сие занятие мне, мягко говоря, не нравится.

Впервые я познакомилась с этим великим действием в шесть лет. Тогда вся наша большая семья с двоюродными и троюродными отправилась на природу. Для меня это мероприятие оказалось крайне болезненным. Нет, как в фильме «Особенности национальной рыбалки» крючок в меня не втыкался. Просто в тот день у меня началось обострение кожного заболевания: все зудело, чесалось и кровоточило. Дабы не распугать моим воем рыбу, мама увезла меня домой поздно ночью. И это было только начало нашего конфликта с этой охотой.

Окончательно причислила рыбалку к делам неблагородным и весьма жестоким в семь лет. Местные мальчишки научили меня делать удочку: палка, леска, крючок – все как положено. Показав, как правильно насаживать червяка, отправили в путь дорогу за добычей.

Лирическое отступление: за нашим домом текла небольшая речка шириной метра два, среди местных именуемая «говнотечка» за неподдающийся объяснению стойкий запах.

Итак, как бывалый рыбак я наготовила пол банки дождевых червей и полбуханки хлеба для подкормки. Свежень-

кая удочка наперевес. Ребята бегут следом, поддерживают. Я спускаюсь к речке. Ставлю рядом ведро, пластиковую бутылку и банку с червями. Гордо закидываю удочку и жду. Меня хватило минут на 20. Потом психанула и тупо начала кидать хлеб в воду.

Внезапно появилась рыбешка, на щиклейку похожая. Я радостная за ней, в воду. Как поймала – непонятно, по-моему, руками. Признаюсь, на успех с самого начала не надеялась, поэтому тару под добычу не подготовила. Благо «заботливые» отдыхающие всегда оставляют у водоемов свою. Так что пластиковой бутылкой я была обеспечена. Домой вернулась счастливая с банкой червей и бутылкой с рыбешкой.

И тут произошла трагедия. Я решила покормить рыбку. И не чем-нибудь, а девятнадцатью дождевыми червями одновременно. Переложила всех к ней в бутылку. Минут через 15 дитя речного мира исчезло. Я вытащила каждого червя по отдельности, но рыбку так и не нашла. С тех пор я не рыбаю.

Глава 14. Правда во спасение

«Правда бывает доброй, а бывает очень злой и жестокой». Это я усвоила рано. Мне было семь лет, когда мы с сестрой случайно разбили мамину любимую вазу. Дабы избежать наказания быстренько собрали осколки и унесли на мусорку за три квартала. Думали, чем дальше спрячем, тем меньше шансов раскрыть нашу тайну. Оказалось, надо было просто хорошо прибраться.

Вечером мама пришла домой и заметила пропажу. На вопрос «А где та большая хрустальная ваза?» мы с невинным лицом ответили, что не знаем, куда она улетела и где рассыпалась на маленькие осколки. И все бы ничего. Тема была бы закрыта, да только мама у нас очень чистоплотная и мыла полы даже под диваном. Там то и оказался тот самый осколок.

Вечером на семейном совете с ремнем, папа выяснял подробности произошедшего. У меня навсегда в голове осталась фраза «Скажете правду, попадет меньше!» Я раскололась. Попало как всегда – по полной. Хватило каждой попе.

С тех пор я не люблю говорить неприятную правду в лицо, а если очень нужно – долго подбираю слова для объяснений. Боюсь последствий.

Глава 15. Синяя попа с мандаринками

Просить о чем-либо я разучилась во втором классе, и как не странно по вине мандаринов. В моем детстве на прилавках они появлялись только в декабре, накануне волшебного праздника. В другие времена года были либо редкостью, либо роскошью. Или и тем, и другим.

Зимним днем 1996 года мы с подружкой вышли с уроков и решили немного погулять. Дорога маленьких путешественниц лежала через продуктовый магазин, где работала папина тетя. Глазеть на витрины с вкусняшками, было нашим любимым занятием, поэтому очевидно, что мы свернули к манящей вывеске «ПРОДМАГ». С порога нас встретил новогодний мандариновый аромат. Эти оранжевые хитрецы манили к себе. Вспомнился кисло-сладкий вкус, что играл во рту, веселость кожуры, которая брызгается стоит на нее нажать, праздник, который всегда приходил с этими фруктами.

Поглазев на коробки с мандаринами, мы вышли с ощущением пустоты и несбывшейся мечты. И тут подружка предложила: «Там же твоя тетя работает. Попроси у нее один мандарин. Я так бы сделала, если бы моя тоже там работала. Ну давай, не дрейф». И я не струсила. Пошла и попросила. Уговаривала минут пять и, наконец, получила желаемое. Знаете,

такого вкусного мандарина я никогда не ела. Каждая долька чуть ли не взрывалась во рту под напором сока. И он был таким сладким и так быстро закончился.

Еще часок погуляв с подругой, я пошла домой. А там меня уже ждал сюрприз – злой папа и бледная от страха мама. Как выяснилось они тоже заходили в тот магазин, и сразу после меня. И папина тетя не скупилась на громкие оскорбления. Меня называли попрошайкой, а родителям высказали как надо воспитывать детей на глазах у ошарашенной очереди.

В тот день меня наказали гораздо больше прежнего. Я бы даже сказала высекли. Позже папа раскаялся, что не смог подавить гнев, а мама, что не остановила папу. 2 недели я стеснялась переодеваться в школьной раздевалке, попа напоминала радугу. Я ходила с компрессами из пакетов на ногах, из-за чего в классе меня называли «шуршалкой». Благо болела у меня только попа и ноги, кулаками я могла пользоваться. Поэтому кличка не прижилась.

Это было давно. И все же сейчас я редко прошу людей о помощи. Особенно, если знаю, что не смогу заплатить за нее как следует. Хотя признаюсь, не всегда чья-то помощь подразумевает жесткую расплату.

Глава 16. Вера в чудо

«Я не волшебник, я только учусь». Многие мои ровесники, и люди немного постарше, помнят эту фразу. Она из советского фильма «Золушка» 1947 года. По сюжету произносит ее юный помощник феи-крестной. Он действительно еще не может профессионально магичить, но главное в том, что он верит в лучший исход.

«Я думаю, все будет хорошо». Так он заканчивает свою знаменитую фразу. Повторяла ее частенько и мама. Именно такие слова учат детей не унывать и двигаться дальше. Я любила и люблю эту сказку, и, по-своему, этого маленького волшебника. Я пересматривала его раз шесть или аж десять. Этот фильм подарил мне, шестилетней впечатлительной девочке надежду на счастье, которую порой не в силах дать многие взрослые.

Глава 17. «Слушай маму! Мама умней!»

Кто был главным в вашей семье? У нас считали, что папа. Но я не буду лукавить и прямо скажу, что главной была все-таки мама. В любом вопросе: о покупках, прогулках, отпуске, увлечениях, приключениях, обучающих курсах и так далее, – последней и решающей инстанцией была мама.

Гиперболизированную форму таких взаимоотношений со временем я переняла на себя. Начиная с первых серьезных отношений пыталась склонить головы мужчин, с которыми встречалась. Это выходило как бы случайно. Мелкие капризы сменяли полное игнорирование желаний и мнений партнеров. Я была своевольной, взбалмошной и совершенно бесконтрольной особой. Не скажу, что это плохо. Это даже очень хорошо и привлекательно для многих представителей сильного пола. Однако это и одна из причин, почему я дважды разведена.

После второго развода я задумалась о том, что происходит в моей жизни и, в частности, в моих отношениях с мужчинами. Помню второй муж так и сказал мне: «Я никогда не буду у тебя на первом месте. Ты всегда будешь отдавать предпочтение сначала работе, потом родителям, друзьям, коллегам и только потом моим интересам. Я не могу больше быть на

последних ролях». Признаюсь, он чудесный человек, друг, советник. Но к тому времени, уже не более.

Вернусь к своей мысли. После этих слов я задумалась о том, почему поступаю так, как поступаю. Начала замечать, что и сестра прогибает парней под себя. И они с радостью позволяют ей это делать. Все счастливы. Только мне такое положение вещей не нравилось. В моих грезах я стояла за мужчиной, а не он за мной.

Благодаря родителям, я перестроила отношение к мужчинам. Разрешила себе быть слабой и беззащитной.

Глава 18. Шанс на спасение

Во втором классе на уроке ОБЖ (основы безопасности жизнедеятельности) я впервые узнала о том, что такое землетрясение. Педагог в красках описал это явление, его последствия. Предупредил о первых признаках: звон стекол в окнах, стон хрусталя в сервантах, падение мебели. «Особенно, – уточнил он, – это чувствуется на верхних этажах». Было страшно интересно. До такой степени, что я начала его ждать в небольшом городке Поволжья – Заинске, где таких катаклизмов отродясь не наблюдалось.

В то время мы жили в хрущевке на пятом этаже. А значит лучших условий придумать сложно. Я грезила землетрясением. После трех дней неоправданных ожиданий, надо мной сжалилась Вселенная и водитель большегруза. Он как раз проехал мимо дома и создал эффект содрогания. Я была в квартире одна, когда почувствовала его. Сразу поняла: «ОНО началось!». Окрыленная выбежала из дома со всеми своими пожитками – куклой, дневником, да самолетиком на веревке. Всем прохожим кричала о наступающей катастрофе, однако меня никто не понимал.

И вот стою я в октябре на улице. Пальто нараспашку, без шапки. Смотрю на нашу пятиэтажку и не могу понять, почему она стоит? Землетрясение же! Я прежде видела на картинках и по телевизору как огромные дома разрушались под

натиском стихийного бедствия, а тут не шелохнуться. Странно...

Замерзнув, я все-таки решила вернуться в несостоявшиеся руины. Осторожно посидела еще несколько минут на пороге, а потом пошла разогревать суп – скоро должна была прийти сестра со школы.

На следующий день я спросила у педагога почему я жду землетрясение, а оно не приходит. Он поинтересовался, для чего мне оно. Я промолчала. Учитель же добавил, что в нашем районе таких природных явлений не бывает, только если очень маленькие и незаметные. Так что ждать их бесполезно. По крайней мере до следующего ледникового периода.

Вот так одно ничтожное уточнение открыло глаза ребенку на целый мир.

Глава 19. Мазохист со стажем

Я полюбила боль в девять лет. Частенько, а может мне это казалось, родители наказывали физически: ремень, хлопушка, шланг, прутик, ладонь. Арсенал достойный «пыточной», считала я. А для причин фантазии хватало: за разбитую вазу, за немытые полы, за неправильные слова, за прогулку, за опоздание и прочее.

В какой-то момент поняла, терпеть неволю и просто полюбила эту боль. Она такая приятная. Даже сейчас порой колю себя иголками или нажимаю на болевые точки, чтобы ощутить приятную волну спазмов по телу. После я стала нарываться на гнев родителей: шлодничала, создавала ситуации, где оказывалась виноватой. И мне дарили желаемое. Свист падающей с размаха хлопушки приобрел чарующие нотки.

Но внезапно побои закончились. Однажды после слишком яркого выражения своей экспрессии, отец перестал наказывать физически. Он ломал эмоционально. И тогда я молилась, чтобы он хоть раз высек меня. Ведь получая боль, я еще и получала сочувствие, жалость, внимание. Незаметно мой мазохизм преобразовался в так называемый комплекс жертвы. Быть верным рыцарем изгоя, придумывать себе обидные прозвища и потом распространять их среди одноклассников, провоцировать окружающих на злобные шутки в свой адрес

и до бесконечности. Я подсознательно делала все, чтобы меня утешили, пожалели.

Смешно сейчас вспоминать об этом. Ведь эта черта проявилась частично и во взрослой жизни. В первых серьезных отношениях, я устраивала истерики, грубила, клеветала на близких, лишь бы вызвать агрессию партнера. И в силу молодости он велся на это. Подруги, родные поддерживали меня и тем самым нехотя тешили мою привычку быть жертвой.

Благо из этого состояния семейного терроризма я вышла. Отношения распались, а вместе с ними пришли выводы, чего стоит избегать и как сделать свою жизнь проще.

Глава 20. Книжная одержимость.

В детстве я мало читала. Как-то не до этого было. Школа, кружки, горки, друзья, штабики. В общем, дел невпроворот. Поэтому к 9 классу у меня по русскому языку образовалась твердая двойка. Родители и учителя боролись с моей неграмотностью как могли: указкой, таблицами, дополнительными уроками и ремнем.

При том мои правописательные недостатки с лихвой компенсировала богатая фантазия, от которой с ума сходили те же самые взрослые. Получила я ее от природы и «чутьочку» от своих увлечений. И одна такая выдумка «заставила» меня полюбить книги.

Начнем с того, что усилия мамы с папой и педагогов не прошли даром. Девятый класс я закончила на четверки. «Ударница!», гордо крикнула я, заходя домой после последнего звонка. Сумка в угол, форму долой до сентября, дома праздник. Мне на радостях пообещали трехмесячный абонемент на самую классную дискотеку в городе. Моему счастью завидовали все сверстники. Но его я умудрилась упустить.

Как только начались каникулы моя подруга предложила поехать в соседний город к парню, с которым она встречалась. Я согласилась. Но ни ее, ни мои родители не отпустили бы нас к незнакомым людям с ночевкой. Поэтому мы решили обхитрить их. Она сказала своим, что едет в Нижнекамск к

моей сестре, а я, соответственно, отпрашивалась к ее сестре в гости. Моя мама противилась этому путешествию, папа дал добро. Понятно, кого я послушалась. Мне выдали последние деньги из семейного бюджета и поручили быть аккуратной.

Приехали мы в незнакомый город. Куда идти – не знаем, в руках только адрес и мелочь на проезд. Конечно, ни о каких сотовых телефонах и навигаторах тогда речи не было. В начале двухтысячных стационарные то оставались роскошью. А значит навигатором нашим стал язык, который до Киева доводит. Вот и мы дошли. Да только беда – парня дома не застали. Оказалось, письмо, в котором подруга говорила о своем приезде еще не пришло.

Делать нечего: решили ждать его на лестничной площадке. 3 часа на бетонке, потом еще часок во дворе. «Суженного» высматривали по сторонам как героя войны, а его и след простыл.

Периодически поднимались до заветной двери, но каждый раз слышали: «его еще нет». На четвертый раз, родители «горе-красавчика» сжалились над нами и пригласили погреться. Там, мы рассказали свою историю скитаний. К чашке чая нам дали уютное койко-место и посоветовали остаться ночевать, а утром ехать домой. На том и порешали.

Грустная подруга проплакала всю ночь. А утром вернулся добрый молодец. Радостный, да навеселе. Соответственно, праздник продолжился. Он позвал друзей, экскурсию по городу устроил, шутил, резвился. Я так заигралась, что случай-

но зарядила одному большому человеку увесистую пощечину. Испугалась. И в этот момент вспомнила, что нам пора уезжать, ведь мы отпрашивались только на один день.

Какими способами не скажу, но нас уговорили остаться еще на один день. Однако с условием, что предупредим родителей. Конечно, по закону подлости и глупости, этого сделать не удалось. И пока мы отдыхали, наши с подругой мамы и папы между собой познакомились, правду узнали, милицию на уши поставили, по вокзалам нас искали. В общем, тоже куражились.

На следующий день нас чуть ли не с караваем встречали на автовокзале. По лицам пап было понятно: они что-то заподозрили. Оба хмуро молчали. Мы с подругой тихо разошлись по машинам и на этом наше приключения закончилось. Зато пришло время собирать его последствия.

Отец не кричал. Он лишь спокойно сказал: «Я взял ответственность на себя, Я отпустил тебя. Ты меня обманула. Как я могу теперь тебе верить?» Потом достал из кармана абонемент на дискотеку, ради которого он неделю бесплатно шабашил и разорвал его. «У меня нет к тебе доверия», добавил он и вышел из комнаты.

По условиям наказания я должна была месяц находиться под домашним арестом, а в итоге сидела все лето. Я сама так решила. Мне казалось, что только увеличив срок наказания, я смогу вернуть доверие папы. И я этого добилась.

Приятным бонусом ареста стала масса свободного време-

ни. В первый месяц лета я вычистила огород до блеска, привела дом в порядок, пересмотрела все передачи (каналов всего три) и уже нуждалась в чем-то новом. Мама предложила почитать. Сначала это был какой-то авантюристский роман времен Короля Солнца, потом вся серия Катрин, потом Анжелика. Вслед за ними пошла классика. Так, на всю оставшуюся жизнь я заболела литературой. Как говорится, все что не делается – к лучшему.

Глава 21. Мой лучший друг – папа.

Я была обычным дворовым подростком. В 12 лет мне стали интересны все взрослые взрослости, типа сигаретного дыма, алкоголя, мата, обжимашек с мальчиками и крутости. «Романтика», – считала я. Неизвестное и чуждое всему моему существу и семейным традициям.

И однажды в классе прошел слух о появлении в школе подпольной кассеты с матерными песенками. Их исполняла очень популярная в начале двухтысячных музыкальная группа. Сборник попал в руки моему однокласснику. Он передал остальным на перезапись.

Выпросила ее и Я. «Поставщик» смотрел на меня с опаской и все же рискнул. Несколько раз предупредил об осторожности. Придя домой, я рассказала сестре о новых «хитах». Мы врубили их на полную громкость. Благо, жили в частном доме, и никто не мог подслушать наши музыкальные предпочтения. Мы убирались под необычные песни и хихикали над странными словами, значения которых даже не знали.

По закону подлости, папа пришел рано с работы. Увидев его в окне, я полетела к магнитофону словно лебедь. В последнюю секунду перед открытием двери я успела отключить злостную «шарманку». От родного «я дома», по спине пошел холодок. Мы побежали встречать папу, а заодно

выяснить, как много он слышал. Затаив дыхание лицемерно повисли у него на шее. Судя по его улыбке, он ничего противозаконного не заметил. Мы выдохнули и продолжили заниматься домашними делами.

Из равновесия нас вырвал папин голос:

– Девочки, а что это такое вы слушали? Мелодия забавная. Давайте включите.

– Ээээээ.... Пап, да там ерунда. Тебе не понравится. Хм... Не стоит!

Но было уже поздно. Первая нецензурщина слетела с динамиков магнитофона, а следом и вторая. Дальше папа не стал слушать. Он стрельнул взглядом в сестру. Она мотала головой и говорила: «пап, это не я, честное слово...»

– А кто же тогда?! – закричал отец.

– Это я, – шепотом промолвила я.

– Ты?! – он был в шоке.

Пай-девочка вдруг выкидывает такое: не только сама матерится и слушает кассету с «грязными» песенками, но и приносит ее домой.

– Откуда?!

– Дали.

– Кто дал?! – спросил грозно он.

– Не скажу, – тихо ответила я.

– Еще раз спрашиваю, кто тебе это дал? Я хочу лично отдать ему эту кассету.

– Я сама отдам, пап, пожалуйста – умоляла я.

– Кто тебе ее дал? – еще страшнее проговорил отец. Мои коленки тряслись, но я все-таки ответила.

– Одноклассник. Но большего я ничего не скажу. Можешь наказать меня. Отдай только кассету. Больше ее в нашем доме не будет.

– Либо ты скажешь, кто это, либо я не отдам тебе кассету. В этом случае ты сама объяснишь своему другу, почему не можешь вернуть ее.

– Я не буду его выдавать, твердо заявила я.

– Это было твое решение.

На следующий день он проследил за мной. Папа сразу понял, кто одолжил мне «презент». Выдали мои виноватые глаза и поникшая осанка, когда я говорила с «поставщиком». Как и обещал, к однокласснику отец не подходил. А заветную запись спрятал дома, в темном шкафу с сотней других кассет. Тогда, мы с папой заключили немой договор. Я остаюсь верной своему слову и своей совести (не выдаю одноклассника), но при этом несу ответственность за свои поступки. Он же не наказывает меня.

Кстати, через 5 лет «сие яблоко раздора» случайно обнаружила мама. Не выясняя обстоятельств, она отругала папу как школьника за подобные музыкальные предпочтения. У нее и в мыслях не было, что это мое или сестры. Мама ругалась, а мой герой смотрел на меня и периодически подмигивал. Он не выдал меня и до сих пор хранит этот секрет.

Глава 22. Цена заботы

Забота прекрасна и опасна. В ней хранится как волшебный трамплин, так и сила сорока ножевых ударов в сердце. Помню, как мама прикладывала подорожник мне к коленке, когда я падала, бегая на улице. Помню ее слова «надень шапку, а то простудишься» и «кушай пока теплое». Это прекрасное проявление заботы.

После школы я хотела поступить в Казань на журналистику. Но испугалась и подала документы на филологический факультет в Елабужский университет. Несколько экзаменов в том числе и суперсложный диктант по русскому языку. Учитывая, что в школе я, мягко говоря, не отличалась грамотностью, то это было самое трудное испытание.

Готовилась к нему, но признаюсь – спустя рукава. Думала: раз ВУЗ провинциальный, значит и требования в нем посредственные. Я очень сильно ошиблась. Профессиональная оценка от ведущих преподавателей Татарстана нанесла мне сокрушительный удар. Двойка. Огромная жирная двойка. И меня никто не пожалел, ведь опрофанилась сама.

Негодую на суровых судей, я попросила свою работу. Там оказалось столько исправлений, аж голова закружилась. Лицо окрасилось в цвет пасты, которой отмечали ошибки. Мне было жутко стыдно.

Родители старались поддержать меня. Что, мол, не рас-

страивайся. Мы что-нибудь придумаем. Но у меня уже зрел в голове другой план. Я хотела пойти на второй поток и вновь попробовать поступить на бюджет. Это стало целью номер один. Начала усиленно заниматься, пока родители не видят, читать книги, повторять правила и спрашивать совета у своих учителей. Я говорила родителям о своем намерении попытаться снова.

Но каково же было мое удивление, когда через 2 недели они сказали, что решили перевести меня в платную группу. На все мои возражения, мама с папой говорили, что видят мою одержимость и беспокоятся за меня. «Нам кажется, если ты не сдашь, то совсем падешь духом. Да и год потеряешь.»

Честно, сопротивлялась, даже обиделась. А потом сдалась под их заботливым натиском. Я поверила, что не смогу добиться успеха, что провалюсь на экзамене, стану неудачником без родительской помощи.

Раскрою карты: журналисткой я таки стала. Сначала в маленьком городе, а потом и в Казани. Помогла родительская вера в меня. И, конечно, мое огромное желание.

Теперь я понимаю, у заботы много красок. Она всегда прекрасна и рождена любовью. Просто, иногда дети взрослеют и тогда, стоит им позволить пойти своим путем.

Глава заключительная.

Исполнительница желаний

Я волшебница. Исполняю желания друзей по понедельникам, четвергам и субботам. Также дружу с эльфами и единорогами. Признаюсь, про последнее приврала немного, самую мааааалость. А вот про первое – чистая правда.

В десятом классе моя подруга рассказала о том, как хочет научиться играть на гитаре. И я исполнила ее мечту – нашла дешевые курсы для нашего возраста, договорилась о прослушивании, нашла гитары. Подруга так и не собралась. Я же, не дождавшись ее, записалась на курсы и начала бренькать по подъездам, потом в школьной группе и далее в ВУЗе.

Потом один знакомый мальчишка рассказал, что мечтал полетать на параплане. Я нашла человека, который тренировал парапланеристов, взяла у него интервью, намекнула на желающих, получила такой же намек на согласие бесплатно обучить и запустить их в небо. И опять, не найдя того самого мальчишку, вместо него ринулась в небо. Без путной подготовки и рации. Зато с полными штанами счастья.

Или еще один случай – девушка с сюжета поделилась, что мечтает петь на сцене. Я посоветовала пару курсов и уже не стала ждать – сама пошла на учебу. Пока еще не пела на сцене, но к этому близка.

Откуда взялась потребность исполнять чужие желания – я не помню. Знаю лишь, что боюсь исполнять свои мечты. Это как открыть занавес еще не готового спектакля. Мне страшно даже заикнуться о них. Когда-то я очень хотела к маме, но в ней больше нуждалась моя сестра. Потом нуждалась в помощи, но запрещала себе ее просить. Я мечтала о свободе мыслей и сил, но и их спрятала подальше, чтобы никого не огорчать.

Сегодня я впервые говорю о том, что я по-настоящему хочу. О том, что порой нам – детям, так хочется сказать, закричать, освободиться, помолчать, поиграть и порой просто быть детьми – мальчиками и девочками, которые еще не прошли опыт взрослых дядь и тетя.

Я исполнительница желаний, волшебница. И сегодня я магичу для себя. А вы готовы колдовать для себя?